

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕВОДЧИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Д.С. Золотухин

Университет Paris Cité (Париж, Франция)

denzolutukhin@gmail.com

Аннотация: Составление комментариев к переводам научных текстов является частью метапереводческой деятельности, в рамках изучения которой традиционно анализируются переводческие приёмы, тактики и стратегии, эксплицитно представленные в паратекстуальных элементах. Однако дискурсивные особенности комментариев остаются малоизученными, особенно в рамках русско-французских переводов работ языковедческой направленности. Настоящее исследование посвящено анализу переводческого метадискурса, посредством которого автор или редактор перевода излагает результаты переводческих решений и отношение к ним в процессе работы над переводом научного текста по языкознанию. Цель исследования заключается в выявлении переводческих метадискурсивных действий в комментариях к переводам языковедческих работ, в определении их функций, а также прагматических и эпистемологических оснований выбора соответствующих средств. Для достижения поставленной цели применяется метод дискурс-анализа корпуса комментариев, составленных переводчиками и редакторами фундаментальных трудов по языкознанию ведущих русскоязычных и франкоязычных лингвистов XX века. Качественное изучение метадискурсивных элементов сочетается с интерпретацией их функций в контексте языковой и понятийной асимметрии между франкоязычными и русскоязычными лингвистическими областями. В исследовании устанавливается и описывается связь между апорийным и утверждающим характером языковедческого дискурса в целом и переводческих метадискурсивных действий в частности. Демонстрируются признаки отражения в комментариях переводчика не только лингвистических, но и эпистемологических сложностей, характеризующих языковедческие исследования и выражение их результатов. Проведенное исследование показывает, что составители комментариев к переводам языковедческих текстов участвуют в научной коммуникации посредством переводческого метадискурса, служащего инструментом утверждения переводческих решений, их оценки, а также реакции как на решения других переводчиков, так и на особенности исходного языковедческого дискурса автора переводимого текста. Полученные результаты вносят вклад в теорию перевода и могут быть использованы в обучении специалистов узкой направленности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых текстов и разработкой практических рекомендаций для переводчиков.

Ключевые слова: научный текст, метадискурс, метатекст, паратекст, лингвистическая терминология, переводческий комментарий, научный перевод.

Для цитирования: Золотухин, Д.С. (2026). Метадискурсивные действия переводчика научного текста по языкознанию (на материале французского и русского языков). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(1), 111–129. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

1. ВВЕДЕНИЕ

В исследованиях дискурса профессиональной коммуникации уделяется внимание различным письменным жанрам, среди которых особое место занимают научные тексты, создаваемые представителями разных дисциплин. Одной из таких дисциплин является языкознание, характеризующееся специфическим дискурсом (Гвишиани, 2008; Ltr13, 2024), исследование и описание которого представляет большую значимость не только для действующих лингвистов или будущих специалистов, которым необходимо овладевать дискурсивными стратегиями для написания соответствующих текстов, но и для переводчиков языковедческих работ.

Перевод текста любого жанра сопровождается составлением комментариев, которые рассматриваются как **паратекст**, объясняющий и интерпретирующий основной текст (текст перевода) (Sardin, 2007; Toledano-Buendía, 2013), и **метатекст**, комментирующий действия самого переводчика с целью решения ряда прагматических задач (Заплатин и Снигирева, 2024). Составитель комментариев, следовательно, становится автором собственного дискурса, выстраиваемого «над» текстом перевода. Таким образом, речь идёт об особом **переводческом метадискурсе**, изучение которого в сфере профессиональной коммуникации лингвистов ещё не проводилось.

В данном исследовании анализируются метадискурсивные особенности комментариев к переводам научных работ по языкознанию с французского языка на русский и с русского на французский. Целью исследования является выявление метадискурсивных действий, направленных на выполнение различных функций в особых лингвистических и экстралингвистических условиях создания, фиксации и передачи языковедческого знания. Согласно нашей гипотезе, особенности выявляемых переводческих метадискурсивных действий напрямую соотносятся со спецификой языкознания как особой научной сферы, из которой переводчик перенимает способы построения дискурса и его наполнения как на русском, так и на французском языке.

Описанные и систематизированные результаты исследования на материале двух языков позволяют представить предварительную картину дискурсивных практик при составлении комментариев к переводам языковедческих работ, а также раскрыть их прагматические и эпистемологические основания. Данные результаты являются не только вкладом в теорию перевода и профессиональной коммуникации, но и могут быть использованы в подготовке переводчиков литературы узкой языковедческой направленности.

В теоретической части статьи рассматриваются такие понятия, как языковедческий дискурс, языковедческий объект, индивидуальные и коллективные представления, метадискурсивные действия и их функции в деятельности лингвиста и переводчика. Далее описываются франкоязычные и русскоязычные источники материала. В качестве результатов исследования представлены фрагменты анализируемых текстов с их интерпретацией с точки зрения основных понятий из теоретической части работы. В выводах и заключении систематизируется

проведенное исследование и представляются перспективы дальнейших изысканий в данной области.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Создание, выражение и передача научного знания происходит посредством специализированного дискурса, изучение которого на протяжении нескольких десятилетий привлекает специалистов разных сфер. Каждой научной дисциплине свойственен свой специфический дискурс, выступающий, согласно М. Фуко, как «форма знания» (Foucault, 1968, p. 850). Дискурс языкознания, в частности, характеризуется высокой степенью идиоматичности – существованием общих формальных установок, свойственных только данной научной области. К идиоматическим особенностям французского языкознания относят, например, избыточность аналогий, оценочных слов, специфических метадискурсивных элементов, наличие характерных морфосемантических черт, а также использование многозначных терминов (Neveu, 2004).

На многоуровневый характер терминологии, дискурса и метадискурса как франкоязычной, так и русскоязычной лингвистики указывается в многочисленных исследованиях (Косова, 2003; Neveu, 2004; Rey-Debove, 2001; Swiggers, 2006; Гвишиани, 2008; Zolotukhin, 2020; Ltr13, 2024 и др.). Пристальное внимание данным аспектам уделяется в работе коллектива бельгийских учёных (Ltr13, 2024), которые, основываясь на понятии **утверждающего дискурса** (Maingueneau, Cossutta, 1995), предлагают рассматривать языковедческий дискурс как способ не только выражения и передачи знания о языке, но и формирования представления о дисциплине, утверждения её статуса среди других научных областей (Ltr13, 2024, p. 229). Потребность в таких действиях возникает в связи с языковыми и внеязыковыми (историческими и эпистемологическими) факторами, способствующими не только научному прогрессу в языкознании, но и его уязвимости. Например, Ф. де Соссюр сводил сущность языковедческого объекта к его полной зависимости от выбранной точки зрения и невозможности представить такой объект как фактическую данность – точка зрения сначала формирует объект, и только затем лингвист может приступить к его изучению (Saussure, 2011, p. 89). Такой объект, соответственно, оказывается недискретным, позволяя свободно устанавливать его границы, и полиаспектным, позволяя свободно выбирать сторону, с которой он будет изучаться. Плюрализм точек зрения способствует формированию большого количества школ и направлений, рассматривающих одни и те же объекты в разных границах и с разных позиций (Zolotukhin, 2020). Другой фактор заключается в консубстанциональности объекта и инструмента его изучения в языкознании. Для исследования **языка как объекта** (языковые феномены, факты языковой действительности и т.д.) лингвист использует **язык как инструмент** (метаязык, научный язык, научный дискурс и т.д.): знания о языке, аккумулируемые в научных понятиях, выражаются с помощью языка в виде научных терминов. Лингвист оказывается, таким образом, в замкнутом метаязыковом «порочном круге» (Saussure, 2011, p. 133), где слово-объект ведёт к слову-инструменту и наоборот. Например, описывая явление произвольности языковых единиц, ученые выбирают термин *произвольность* (или *arbitraire* во французском) для указания на это явление. При этом учёный не может не осознавать произвольный характер самого подбираемого термина, что провоцирует возможное несовершенство и неспособность лексической единицы полностью соответствовать выражаемому понятию: термин произвольность является, таким образом, произвольным. Соответственно, наблюдается «размытость» слов, которые используются для выражения научных понятий

в гуманитарных науках (Neveu, 2008, p. 1074). Именно в этой связи сам Ф. де Соссюр болезненно относился к необходимости подбирать термины и приходил к выводу о невозможности создать удовлетворительную терминологическую систему (Godel, 1957, p. 31).

В таком круге, если следовать сосюрговской логике, оказываются запертыми все представители других гуманитарных дисциплин, изучающие сферу человеческой деятельности со своих человеческих позиций. Лингвист, в частности, изучает человеческий язык, сам являясь носителем языка. Феномен наложения на языковедческий объект человеческого фактора, включающего в себя целый перечень индивидуальных субъективных характеристик, объясняется тем, что в своей языковедческой деятельности учёный находится в позиции между статусом лингвиста и статусом «учёного человека» – представителя определённой культуры, имеющего определённое образование, воспитание, а также социальные связи, свойственные времени и пространству, в которых он находится или находился (Ltr13, 2024, p. 234). Всё это влияет на формирование одновременно наивной и научной картины мира (Караулов, Филиппович, 2008), то есть совокупности «воображаемого» (фр. «imaginaire») – мира **представлений**, которые могут быть этическими, политическими, социокультурными, а также эпистемическими, то есть сформированными под влиянием других сфер и дисциплин: лингвист может заимствовать подходы, методы, процедуры, инструменты, языковые и дискурсивные элементы и структуры (Ltr13, 2024, p. 233).

Постоянное соотнесение индивидуальных представлений с коллективными порождает потребность в признании одного лингвиста всем лингвистическим сообществом. Необходимость в легитимизации способствует ритуализации определённых речевых действий, образующих характерные дискурсивные практики и стратегии (Цурикова, 2007). Понятие дискурсивных практик детально рассматривается в работах, например, Ж. Дерриды и Ю. Кристевой, а также в трудах М. Фуко, согласно которому, в истории науки каждой эпохе (эпистеме) присуща определённая языковая норма, бессознательно предопределяющая мышление и дискурсивное поведение учёных (Foucault, 1968, p. 850-874). Такое поведение уточняется в русле языковедческих текстов, где конкретные дискурсивные «шаги» и приёмы лингвистов называются **дискурсивными действиями** (фр. «gestes discursifs»), выполняющими эпистемическую, выразительную, историческую, социальную, пространственную и фатическую функции (Ltr13, 2024, p. 231-232).

Дискурсивное действие может быть направлено как на понятийную область, в которой формируются, определяются и фиксируются научные знания о языке, так и на языковую область, в которой с помощью языка создаются и фиксируются термины. Так, в понятийной области речь не идёт о денотативном компоненте (конкретном термине): лингвисту сначала необходимо ввести понятие в пространственно-временной континуум, в котором находится он и всё научное сообщество. В этих условиях форма термина не так важна, нужны лишь маркеры времени и пространства: *dès lors, ici, pour le moment* и т.п. В языковой области автор начинает подбирать термин, заявляя о своей способности предлагать и легитимизировать термин. Для этого используются маркеры присутствия субъекта (личные местоимения и дитеза), объяснения и оправдания выбора термина посредством описания его мотивированности (этимология, метафора, ценностное суждение и т.д.). В таком дискурсе преобладают временные маркеры (наречия времени *souvent, provisoirement*; союзные слова *or, ainsi, par conséquent*) и маркеры субъективности (местоимение первого лица *je, nous*; инклюзивное местоимение *on*; модальные глаголы *pouvoir, devoir*; условное наклонение; наречия суждения *évidemment, justement*) (ibid., p. 233). Терминотворческая деятельность языковеда в тексте может сводиться к **металингвистическим формулам** (или «рутинным структурам» –

фр. «routines métalinguistiques» (Ji, Tutin, 2019)). В своём тексте учёный может использовать дискурсивные маркеры определения (при уточнении или изменении содержания понятия: *On définit X comme...*), наименования (при создании нового термина: *J'utilise le terme X pour désigner...*) и обозначения (при использовании существующего термина: *Le terme X renvoie à...*) (ibid., p. 183). Все эти действия позволяют автору научного текста аргументированно использовать ту или иную терминологическую единицу, что особенно важно в неоднородном языковедческом дискурсе.

Таким образом, главная цель разнообразных дискурсивных действий состоит в выстраивании соответствия между, с одной стороны, личными и коллективными представлениями в рамках языкознания и, с другой стороны, между языковедческими представлениями и научными представлениями в целом. По отношению к общенаучной сфере языкознание стремится утвердить свой статус. Такая необходимость связана с тем, что теоретические, герменевтические и эмпирические требования, предъявляемые к лингвистам, являются противоречивыми, так как на протяжении всей истории науки они формулируются то в гуманитарной области, то в области точных и естественных наук. Всё это способствует апорийному характеру лингвистического дискурса, наполненного сомнениями, неуверенностью и необходимостью постоянно доказывать состоятельность высказываний (Ltr13, 2024, p. 230-231).

Данные особенности определяют специфику работы с научными текстами по языкознанию, в том числе, в рамках их перевода, изучению которого посвящены отдельные исследования (Mejri, 2008; Takeuchi-Clément, 2021). При переводе происходит удвоение особенностей, свойственных исходному языковедческому тексту. Дело в том, что действия переводчика частично совпадают с действиями автора переводимого текста: переводчик осуществляет свою работу не просто для передачи языковедческого знания на другом языке, но и для концептуализации всего того, что ещё не было концептуализировано посредством терминологических систем языка, на который осуществляется перевод (Lotman, 1973, p. 15). Происходит подбор или создание эквивалентных терминов (Pilar, 2022) с сопроводительным обоснованием собственных действий, подобно тому, как эти термины создавались и обосновывались на языке-источнике. Переводчик, имеющий дело с совокупностью терминологических и дискурсивных характеристик в тексте оригинала, вынужден объяснять и утверждать свои переводческие тактики и стратегии с такими же усилиями, с которыми научное знание выражалось в исходном тексте. Так формируется **переводческий метатекст**, содержащийся в паратекстуальных элементах – комментариях к переводу в сносках, вступительных статьях и т.д. Метатекст формируется на основе специфических **переводческих метадискурсивных действий**, призванных выразить, объяснить и утвердить переводческие приёмы, тактики, стратегии, то есть всё то, что А. Лавьери называет переводческими операциями (Lavieri, 2023, p. 7).

Отметим, что к такой работе автор переводческого комментария подходит со своими представлениями, которые наслаиваются на представления автора текста оригинала. В переводоведческих исследованиях не раз отмечалась роль «представляемого», или «воображаемого»: перевод является механизмом переплетения представлений, символов и действительности (Godelier, 2015). В рамках рассматриваемой нами сферы роль представлений особенно важна, так как она характеризуется следующим противоречием. Переводчик языковедческого текста, научный редактор и составитель соответствующего издания, как правило, сами являются членами определённого языковедческого сообщества (школы, направления и т.д.), которое относится к конкретному промежутку времени и географическому пространству, что обуславливает социально-культурные и интеллектуальные представления (Sériot 2012,

р. 11-14). С другой стороны, за перевод языковедческой работы чаще всего берётся лингвист, который равнодушен к содержанию переводимого текста, к научной концепции его автора. Наши наблюдения показывают, что переводчики, редакторы и составители опубликованных переводных работ по языкознанию являются либо сторонниками содержащейся в тексте концепции, развивая и интерпретируя её в рамках собственных работ, либо так или иначе находятся под её влиянием до начала, в процессе или после окончания работы над переводом. Смещение объективного научного дистанцирования и субъективной вовлечённости и определяет набор переводческих метадискурсивных действий, выявляемых в комментариях к опубликованным переводам.

3. МАТЕРИАЛ И ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного исследования был проанализирован корпус франкоязычных и русскоязычных комментариев к переводам работ по языкознанию. Для составления данного корпуса мы обратились к переводам основополагающих трудов (15 работ) известных русскоязычных и франкоязычных авторов: А.А. Потемби (перевод П. Серио, М. Шоненбергер), В.Н. Волошинова (перевод П. Серио, И. Тылковски-Агеевой), М.М. Бахтина (переводы Г. Барде, И. Количевф, А. Окутюрье), Н.С. Трубецкого (перевод П. Серио), Ю.М. Лотмана (переводы Ж. Йонг, Б. Крайзе, А. Леденко, Ф. Лоэст, Э. Малере, И. Меркуловой, А. Мешонника, А. Фурнье), Е.Д. Поливанова (перевод П. Серио), Л.С. Выготского (перевод Ф. Сэв), Э. Бенвениста (перевод Ю. Караулова, В. Мурат, И. Барышевой, И. Мельниковой), Л. Теньера (перевод И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова, С. Сахно), Г. Гийома (перевод П. Скрелина), А.Ж. Греймаса (перевод Л. Зиминной). В исследовательский корпус мы включили, соответственно, только материал, принадлежащий авторству непосредственно переводчиков, редакторов и составителей изданий – их комментарии, содержащиеся во вступительных статьях, предисловиях, подстраничных и затекстовых сносках.

Отметим, что иногда представляется невозможным с точностью установить автора комментария, поскольку процесс работы над переводами данных трудов выстраивался по-разному: одно издание могло быть переведено, отредактировано и прокомментировано одним и тем же лицом, в то время как над некоторыми изданиями трудились сразу несколько переводчиков, которые могли либо сами комментировать свою работу, либо делегировать составление комментариев авторам вступительных статей, научным редакторам и т.д. Поэтому в приводимых примерах мы ограничивались указанием на автора перевода и ссылкой на переведённое издание (с помощью пометы «комм. к пер.»). Полная информация с именами переводчиков, научных редакторов и издателей содержится в описании каждого источника в списке литературы данной статьи.

Сформированный корпус комментариев подвергается комплексному анализу с двух основных позиций: лексической и морфосинтаксической. Результаты показали, что переводческие метадискурсивные действия реализуются преимущественно на лексическом уровне. Это проявляется в использовании определённых лексических единиц, которые выполняют ключевые метадискурсивные функции, описанные в теоретической части работы. Данные единицы были подвергнуты семантическому анализу с последующей прагматической интерпретацией контекстов, в которых такие единицы употребляются.

В то же время исследование не выявило устойчивых и закономерных морфосинтаксических моделей, характерных для комментариев к переводу. Однако отсутствие повторяющихся грамматических структур говорит лишь о том, что грамматический уровень требует

дальнейшего изучения. Это подчёркивает необходимость расширения корпуса и дальнейшего углубленного анализа морфологических и синтаксических средств, чтобы лучше понять их роль и возможные закономерности в составлении комментариев к переводам.

В рамках данной статьи сопоставление лексических особенностей, выявленных в русскоязычных и франкоязычных текстах, и их систематизация позволяют установить определённые закономерности и указать на универсальность действий, свойственных переводческой работе с обоими языками.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Одна из основных стратегий составления комментариев к переводам научных текстов по языкознанию заключается в эксплицированном описании сложностей, которыми характеризуются задачи переводчика. Метадискурсивное действие в таком случае состоит в использовании лексических единиц, выражающих определённые переводческие трудности. Так, в комментариях к французским переводам работ русскоязычных лингвистов обнаруживаются существительные *difficulté / souci* (сложность, трудность), *énigme* (загадка), *problème* (проблема, задача), *risque* (риск) в сочетании с прилагательными и наречиями, усиливающими экспрессивность. Например: «*La traduction de Pensée et langage pose de nombreux problèmes*», «*mesurer la difficulté de certains des problèmes qu'il pose au traducteur*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 35), «*confrontée à des énigmes insolubles*», «*bien des difficultés restaient à résoudre*» (ibid., p. 36), «*problèmes particulièrement délicats*» (ibid., p. 39), «*difficultés de traduction auxquelles j'ai été confrontée*» (комм. к пер. П. Серио; Polivanov, 2014, p. 28); «*comporte des risques (comment ce texte sera-t-il entendu ?) et pose un problème théorique autant qu'idéologique*» (комм. к пер. И. Количев; Bakhtine, 1970, p. 5), «*Mon souci principal a été*» (комм. к пер. Ф. Лозт; Lotman, 1990); «*extrêmement difficile à rendre en français*» (комм. к пер. П. Серио, М. Шоненбергер; Potebnja, 2022, p. 122).

Такие же действия наблюдаются в комментариях к русским переводам текстов франкоязычных лингвистов. Выявляются соответствующие глаголы (*затрудняться, осложняться*), а также существительные (*трудность*), усиленные прилагательными: «*понимание <...> затрудняется в силу их специального характера*» (комм. к пер. П. Скрелина; Гийом, 1992, с. 3), «*перевод сборника на русский язык осложняется необходимостью создания эквивалентности концептуально-терминологической системы*» (Там же, с. 6). «*Особую трудность для перевода представляет*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410). Интересен случай, когда переводчик отрицает иллюзорную «лёгкость» оригинала: «*В подлиннике текст Теньера <...> производит впечатление ясного и несложного для перевода. Но эта лёгкость обманчива*» (комм. к пер. И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова, С. Сахно; Теньер, 1988, с. 614).

Трудности, о которых идёт речь, можно условно разделить на две группы: **языковые**, связанные с чисто лингвистическими различиями между французским и русским языками, когда один из языков не предоставляет необходимые средства для передачи отдельного термина или фрагмента текста, и **понятийные**, связанные с концептуальными (содержательными) различиями между языковедческими традициями.

Языковая асимметрия трактуется переводчиками как фактор нарушения терминологической строгости, поэтому происходит своеобразное оправдание за несоблюдение правил, наложенных научным статусом лингвистики. Например, лексическое разнообразие русского языка (*лицо, образ, персона – personnage; единица, единство – unité*) либо совсем не имеет

эквивалентности во французском языке, либо нерелевантно для него (*повтор, повторение, повторность, повторяемость – répétition; истина, истинность – vérité; структура, структурность – structure*). Дублетность русских терминов, связанная с взаимозаменяемостью русских и латинских корней (*реальность / действительность; интерпретация / истолкование*), также нерелевантна для франкоязычного читателя. Напротив, русский термин *семантика* можно перевести с помощью французских терминов *sémantique* или *sémantisme* (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, p. 16).

В рамках преодоления языковых трудностей авторы задействуют комментарии для своеобразного переключивания ответственности на язык, который «не позволяет», ввиду своих особенностей, получить идеальный результат: «*dans la mesure où le français le permet*» (*ibid.*). В этой связи во франкоязычных комментариях используются такие лексические единицы, как *entorse* (нарушение, отклонение), *contrainte* (ограничение), а также *difficulté* (трудность, сложность) с прилагательным, уточняющим тот факт, что речь идёт именно о языковой сложности: «*la difficulté linguistique que pose à la traduction*» (перевод Ф. Сэв; Vygotski 1997, p. 54), «*entorses à cette rigueur, dues aux contraintes particulières d'une des deux langues*» (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, p. 16). В русскоязычных комментариях иногда встречаются указания на контекстуальные помехи в употреблении адекватной лексической единицы: «*однако контекст не позволяет этого сделать*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 29). Довольно часто переводчики сталкиваются с проблемой транслитерации, о чём эксплицитно заявляется: «*Mon souci principal a été de donner à des noms propres une transcription prononçable par un lecteur peu familier des noms russes*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman, 1990).

Понятийная асимметрия возникает когда, например, сложившаяся трактовка терминов «мешает» осуществить качественный перевод и воспрепятствует адекватному восприятию перевода читателем: «*В ряде случаев мешала уже сложившаяся традиция и закреплённость русских терминов за определёнными французскими, например, для langage, langue, parole, discours*» (комм. к пер. П. Скрелина; Гийом, 1992, с. 6); «*nous sommes placés devant une terminologie qui présente le danger de paraître familière : langue, langage, parole, en particulier, évoquent chez le lecteur francophone des échos saussuriens. Or il n'en est rien*» (комм. к пер. П. Серио, М. Шоненбергер; Potebnja, 2022, p. 81). В таком случае на уровне паратекста, комментирующего текст оригинала, а не перевод, происходит восполнение пробела в системе знаний читателя: «*Ce passage est un exemple de déclaration générale de Troubetzkoy qui ne prend tout son sens que si on le lit comme...*» (комм. к пер. П. Серио; Troubetzkoy, 1996, p. 82). Более того, переводчику оказывается важным указать на существование таких различий между интеллектуальными традициями: «*dans un système de pensée compréhensible pour des francophones, nourris à une autre tradition intellectuelle*» (*ibid.*, p. 31).

На уровне метатекста выражение как языковых, так и понятийных трудностей сопровождается указанием в комментариях на ограничения переводчика, вынужденно совершающего определённые действия: «*Nous ne sommes pas en mesure de saisir l'intention initiale de son auteur...*», «*...et devons nous contenter de la restituer en l'état au lecteur français*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24); «*приходится заменять*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 109) «*переводчику нередко приходилось поступаться*» (Там же, с. 14); «*не удастся добиться однозначности и в зависимости от контекста в качестве его русских значений приходится употреблять*» (Там же, с. 23), «*Однако сохранять это различие в переводе удастся далеко не всегда*» (Там же, с.16); «*при переводе нам приходилось*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410). Нарастающая модальность, демонстрирующая

отношение переводчика, подкрепляется использованием оценочных слов, выражающих, например, сожаление: «*L'incohérence de la présente phrase se retrouve malheureusement dans l'original russe*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24); «*К сожалению, в русском тексте не удастся воспроизвести*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 109).

При признании недостатков проделанной работы (например, «*несколько искусственным образом различаются*» (Там же, с. 14)) предпринятые усилия подчеркиваются с помощью соответствующих глаголов: «*Nous indiquons ici les principales [difficultés] et la manière dont nous avons cherché à les surmonter*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 36); «*J'ai essayé de rendre les noms français et allemands par leurs équivalents*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24.); «*Переводчики старались сохранить особенности стиля Теньера, избежать неоправданного осовременивания его терминологии*» (комм. к пер. И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова; Теньер, 1988, с. 614). При противопоставлении, с одной стороны, эксплицированных трудностей, ограничений, неудовлетворительного результата и, с другой стороны, собственных действий переводчики прибегают к употреблению наречий уступки: «*Toutefois pour éviter les mots kilométriques, j'ai rendu*», «*mais j'ai en général laissé*», «*Malgré tous mes efforts, certaines disparités demeurent*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman 1990).

Ещё одно действие, позволяющее обосновать переводческую стратегию, заключается в упоминании читателя и аргументировании собственного выбора заботой о нём: «*Nous nous sommes efforcée de ne pas induire le lecteur à le perdre de vue*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 37). Встречается также непосредственное обращение к читателю с целью подготовить его к восприятию недостатков в переводе, например, через извинение: «*Le lecteur voudra bien accepter mes excuses*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman, 1990).

Данные фрагменты, выражающие безысходность и обречённость на несовершенство, подчеркивают перенос в переводческий метадискурс апорийного характера общего языковедческого дискурса. Однако метадикурсивные действия в комментариях к переводу не сводятся только к выражению обеспокоенности по поводу специфики работы переводчика и обосновании его действий. Значительная часть переводческих комментариев включает информацию о поиске и создании эквивалентов для лингвистических терминов. С прагматической точки зрения, действия комментатора направлены на утверждение подбираемого эквивалента посредством, соответственно, утверждающего метадискурса – «новый» термин, до этого отсутствовавший в системе, требует аргументированного обоснования, которое, в связи с эпистемологической спецификой лингвистической области, имеет первостепенную важность. Переводчик, следовательно, становится полноценным участником терминотворческого процесса, определяющего структуру и содержание терминологических систем: от его работы зависит качество передачи научного понятия и его закрепление в виде термина. В этой связи выбор конкретного эквивалента часто сопровождается соответствующим объяснением. Так, в переводе работы А.Ж. Греймаса для термина *voisement* подобран русский термин *звонкость*, хотя, как признаётся сам переводчик, «*точнее было бы перевести как озвучивание, оглашение – от слова голос (la voix)*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 29), но сделать это переводчику не позволяет именно контекст.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда комментатор проявляет свою приверженность концепции автора переводимого текста. На уровне работы с понятиями могут даже копироваться действия автора оригинала. Так, в издании к русскому переводу работы Э. Бенвениста, где даются развернутые комментарии, позволяющие русскоязычному читателю лучше понять значения отдельных терминов, Ю.С. Степанов пишет о применении метода определения понятий, которым пользовался автор оригинала: «*Следует отметить, что в этом*

комментарии мы использовали неоднократно примененный самим Бенвенистом метод генетического определения теоретических понятий» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 424). В данном случае авторские способы выражения и объяснения научных понятий формируют метадискурс комментариев.

Возможность интеграции разнообразных представлений и подходов в лингвистической области приводит к конкуренции разных точек зрения, в том числе, на способы перевода языковедческих текстов. Так, переводчики текстов В.Н. Волошинова аргументируют необходимость усовершенствования уже существовавшей французской версии, ставя под вопрос возможность окончательного перевода: «*Ce texte n'est pas la traduction définitive – un tel objet est-il d'ailleurs susceptible d'exister?*» (комм. к пер. П. Серио и И. Тылковски-Агеевой; Vološinov, 2010, p. 14). Существование предыдущих версий перевода означает наличие принятых эквивалентов для оригинальных терминов. Выполняя новый перевод текста, переводчик может подвергнуть критике существующие эквиваленты и, таким образом, утвердить новый вариант перевода. Так, в комментарии к переводу текстов Э. Бенвениста предлагается переводить *segmentable* не как *сегментируемый*, а как *поддающийся операции сегментации*, чтобы охватить фонемный уровень языка, ведь фонемы не делятся на последовательные сегменты, но сами являются сегментами более крупных языковых единиц, то есть «сегментируются», вычлняются: «*В настоящем русском переводе мы устраняем эту недомолвку, переводя segmentable как поддающийся операции сегментации*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 428).

Замена существующего эквивалента на новый может аргументироваться отсылкой к возможным связям оригинального термина с единицами в других языках. Так, при переводе «*Эстетики словесного творчества*» М.М. Бахтина на французский язык, А. Окутюрье использует термин *pré-donné* для передачи термина *заданность* (комм. к пер. А. Окутюрье; Bakhtine, 1984, p. 34). Однако при переводе «*К философии поступка*» другая переводчица, Ж. Барде, переводит термин *заданность (заданное)* как *donné-à-accomplir* (иногда *donné-à-atteindre*) (комм. к пер. Ж. Барде; Bakhtine, 2003, p. 116), что на уровне метадискурса подкрепляется отсылкой к соответствию русских терминов *данное / заданное* немецким терминам *gegeben / aufgegeben*, ранее переводившихся на французский как *donné / donné-pour-tâche*.

Французский термин *pensée* в текстах Г. Гийома предлагается переводить с помощью русского существительного *мы́шление* с ударением на первом слоге, что позволяет подчеркнуть связь термина с глаголом *мыслить* и выделить значение процесса мысли (комм. к пер. П. Скредина; Гийом, 1992, с. 184). Утверждение такого эквивалента происходит с помощью отсылки к приёму, одобренному научным сообществом: «*как это делают до сих пор многие философы и филологи*» (Там же).

Создание терминологической эквивалентности как фактор развития лингвистической области, в которой благодаря переводу начинает использоваться новое понятие, может быть продолжением процесса терминотворчества, запущенного лингвистом в тексте оригинала. Например, переводчики работы Ю.М. Лотмана создают французские неологизмы для русских авторских неологизмов: «*Lotman, par son contexte, crée des termes, d'où le cas échéant la création d'un terme en français*» (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, с. 15-16). Обязательным метадискурсивным действием в этом случае является обоснование необходимости создания нового термина, например, посредством указания на отсутствие точного эквивалента: «*En l'absence d'équivalent exact en français, nous proposons ici...*» (комм. к пер. И. Меркуловой; Lotman, 2005, p. 19).

Приведем в качестве примера фрагмент, который является удачным синтезом разных переводческих метадискурсивных действий. В комментарии к переводу текста Э. Бенвениста указывается на невозможность передать французский термин *réfèrent* с помощью кажущегося очевидным эквивалента *референт*, поскольку в русской лингвистической терминологии *референт* уже выражал понятие, не соотносящееся с тем, о чём писал Э. Бенвенист. Переводчик прибегнул к созданию эквивалентности, используя такой переводческий приём, как описание. На уровне метадискурса это сопровождается характерными, как мы это показали выше, указаниями на сложность переводческой задачи и вынужденность оставить результат в несовершенном виде: «*Особую трудность для перевода [выражение сложности] представляет группа референции. В соответствии с системой Бенвениста réfèrent – это языковой знак, реферируемым же будет внеязыковое явление или предмет действительности. Но в русской лингвистике последних лет [противопоставление существующей терминологии] термин референт закрепился в противоположном значении, как обозначение внеязыкового явления или предмета действительности (и его отражения в сознании), связанного с языковым знаком. Поэтому при переводе нам приходилось [ограниченность и вынужденность действий] — пока что [временное маркирование] — прибегать к описательным выражениям, с сохранением, однако, в них одного из терминов этой группы [экспликация терминологического выбора], например, мы переводили: réfèrence – «референтная соотносённость, референция»; réfèrent, как и référé, – имеющий референтную соотносённость с...».* (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410).

В следующей фразе выражается пожелание внедрить предлагаемые эквиваленты в русскоязычную языковедческую систему: «*Можно, однако, пожелать, чтобы указанная группа терминов была и в нашей лингвистике принята в их бенвенистовской систематизации с соответствующим ей переводом*» (Там же). Посредством подобных метадискурсивных действий авторы не просто переносят понятия из одного языка в другой, а стремятся изменить терминологическую и, соответственно, понятийную систему, придавая ей новую структуру, исключая из неё архаичные элементы и добавляя новые понятия или отдельные понятийные признаки. Это способствует обогащению и развитию языковедческой области, даже в том случае, если эти изменения не совсем адекватно передают исходное понятие. Например, при русском переводе текстов Ф. де Соссюра передача термина *langage* с помощью термина *речевая деятельность* не передаёт особенности соссюровского понятия общего языкового феномена, включающего язык и речь, но, однако, используется в качестве основы для многих последующих исследований в русскоязычной лингвистике, пусть и в видоизменённом по отношению к оригиналу виде (Tchougounnikov, 2017). Есть и другой пример, приведённый в работе И. Ивановой, справедливо отмечающей, что перевод русского термина слово с помощью французского *discours* в тексте В.Н. Волошинова «*Слово в жизни и слово в поэзии*» изменяет суть оригинальной работы (Ivanova, 2009), понятийная наполняемость которой проникает во французскую систему в модифицированном виде.

Следует также упомянуть и те случаи, когда переводчики могут намеренно избегать метадискурсивных действий, графически показывая возможные затруднения при сопоставлении французского и русского эквивалентов. Так, расположение оригинального термина в скобках сразу за предложенным эквивалентом подчёркивает либо создание переводчиком нового эквивалента, либо возможную несоотнесённость предлагаемого перевода с общими установками и представлениями. Например, в русском переводе работы Э. Бенвениста мы находим следующий фрагмент: «*Появляется необходимость – и возможность – уточнить и самое свойство, которое оказывается фундаментальным качеством языка в процессе его*

realisation (langage en exercice)» (Бенвенист, 1974, с. 13). Такое графическое указание позволяет не оставлять переводческий комментарий. Интересно отметить, что бельгийские исследователи говорят о подобных попытках избегания дискурсивных действий в языковедческих текстах, в которых создаются термины: автор текста может выделять создаваемый или вводимый термин курсивом, что освобождает его от необходимости указания дополнительных сведений о том, что данный термин является новым и, вероятно, неочевидным (Litr13, 2024).

5. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если лингвист, создавая и выражая научное знание в тексте, совершает различные дискурсивные действия для утверждения этого знания внутри языкознания и по отношению к другим наукам, то действия составителей переводческих комментариев направлены на утверждение непосредственно переводческих решений. При этом автор языковедческого текста, его переводчик, а также редактор и/или комментатор перевода разделяют статус лингвиста. В этой связи в переводе имеет место наслаивание разных уровней сложности, свойственных языкознанию в целом (недискретность и полиаспектность объекта, консубстанциональность объекта и инструмента исследования, межсистемная и внутрисистемная многозначность и омонимичность терминов, роль коллективных и индивидуальных представлений в формировании терминологии и дискурса, апорийный и утверждающий характер дискурса) и передаче текстов на другой язык (языковая и понятийная асимметрии между двумя системами языковедческого знания в синхронии и в диахронии, влияние представлений автора оригинала на представления авторов перевода).

Проведенное исследование позволяет выделить ряд метадискурсивных действий, совершаемых в таких условиях составителями комментариев к переводам научных работ по языкознанию с русского на французский и с французского на русский. Метатекст переводчика, редактора или другого лица, выступающего автором комментария, перенимает апорийный характер языковедческого дискурса в целом, проявляющийся в разнообразных формах модальности: выражения отношения (*malheureusement, к сожалению*), выражения оценки степени сложности и результата (*extrêmement difficile, danger, principal souci, tous mes efforts, entorses à cette rigueur, contraintes particulières, особая трудность, недомолвка, обманчивая лёгкость, затрудняться, осложняться*), оценки качества (*несколько искусственным образом*), уступки (*toutefois, mais, malgré, однако, но*), ограничения (*ne pas être en mesure, devoir se contenter, essayer, стараться, мешать, не позволять, приходится, не удаваться*). Каждое действие находит своё эпистемологическое и прагматическое основание в связи с особенностями лингвистической области исследований. Так, понимание и осознание специфики языковедческих исследований и свойственного им дискурса способствуют выражению сожаления, фиксации затруднений, переживаемых исследователем, выявлению внутренних противоречий между идеалом и фактическим результатом, а также осмыслению причин сопутствующих отклонений.

Стремление к утверждению научного статуса лингвистики выражается во встраивании новых понятий и соответствующих терминов в другую языковедческую систему. Для этого в комментариях посредством утверждающего метадискурса («мы устраняем эту недомолвку, переводя...», «как это делают до сих пор многие философы и филологи...», «nous proposons ici...» и т.д.) объясняется мотивированность подобранного или созданного эквивалента в соответствии с языковой и понятийной асимметриями франкоязычной и русскоязычной систем лингвистического знания.

Таким образом, **переводческое метадискурсивное действие** можно определить как основной приём метатекстуальной организации перевода, представляющий собой, во-первых, осознанное средство обоснования переводческих решений в рамках интерпретации, адаптации и эпистемологического сопровождения содержания и формы исходного научного текста, и, во-вторых, средство выражения отношения как к переводческим решениям, так и к исходным понятийным и языковым характеристикам научной области (в частности, языкознания).

Дальнейшие исследования, включающие расширенный корпус текстов комментариев к переводам в данной области, в том числе на других языках, могут быть направлены на составление практических рекомендаций для перевода текстов научных работ по языкознанию, а также для выстраивания дискурсивных стратегий при составлении научных и переводческих комментариев.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., со вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
2. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). — 2-е изд., испр. — Москва : ЛКИ URSS, 2008. — 280 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скредлиной ; пер. с фр. П. А. Скредлина. — Москва : Прогресс, 1992. — 224 с.
4. Греймас А. Ж. Структурная семантика: Поиск метода / науч. ред. К. Аюпян ; пер. с фр. Л. Зиминной. — Москва : Академический Проект, 2004. — 368 с.
5. Заплатин В. Е., Снигирева О. Переводческий комментарий как один из способов компенсации смысловых потерь при переводе // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 4 (52). — URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.35>.
6. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. — Москва : Азбуковник, 2008. — 288 с.
7. Косова М. В. Русская лингвистическая терминология: семантические процессы / науч. ред. С. П. Лопушанская. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. — 328 с.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / ред. В. Г. Гака ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.]. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
9. Цурикова Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 98–108.
10. Bakhtine M. La Poétique de Dostoïevski / trad. du russe par I. Kolitcheff ; prés. de J. Kristeva. — Paris : Seuil, 1970. — 352 p.
11. Bakhtine M. Esthétique de la création verbale / trad. du russe par A. Aucouturier ; préf. de T. Todorov. — Paris : Gallimard, 1984. — 443 p.
12. Bakhtine M. Pour une philosophie de l'acte / trad. du russe par G. Bardet. — Lausanne : L'Âge d'Homme, 2003. — 158 p.

13. Foucault M. Réponse à une question // *Dits et Écrits*. — Paris : Gallimard, 1994. — Т. 1. — P. 850–874.
14. Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. — Paris : Minard, 1957. — 283 p.
15. Godelier M. L'imaginé, l'imaginaire et le symbolique. — Paris : CNRS (Biblis), 2022. — 288 p.
16. Ivanova I. La notion de « langue » dans la linguistique russe (deuxième moitié du XIXe–début du XXe siècle) // *Études de lettres*. — 2009. — № 4. — P. 81–100. — DOI: 10.4000/edl.313.
17. Ji Y., Tutin A. Les routines métalinguistiques dans les écrits scientifiques en français // *Studii de lingvistică*. — 2019. — № 9 (2). — P. 177–200.
18. Lavieri A. Introduction. Des mondes et des versions : quand traduire c'est faire // *L'Imaginaire du traduire*. — Paris : Classiques Garnier, 2023. — P. 7–13.
19. Lotman Y. La structure du texte artistique / trad. du russe par A. Fournier [et al.] ; sous la dir. de H. Meschonnic. — Paris : Gallimard, 1973. — 415 p.
20. Lotman Ū. Sémiotique de la culture russe / trad. du russe et annot. par F. Lhoest. — Lausanne : l'Âge d'homme, 1990. — 216 p.
21. Lotman Y. La sémiosphère / trad. par A. Ledenko. — Limoges : Presses Univ. Limoges, 1999. — 227 p.
22. Lotman J. L'explosion et la culture / trad. du russe par I. Merkoulouva. — Limoges : PULIM, 2005. — 110 p.
23. Ltr13. Le discours de la linguistique. — Lyon : ENS Éditions, 2024. — 324 p.
24. Maingueneau D., Cossutta F. L'Analyse des discours constituants // *Langages*. — 1995. — № 117. — P. 112–125.
25. Mejri S. La traduction des textes spécialisés : le cas des sciences du langage // *Colloque du 50e anniversaire de l'ISTI*. — Bruxelles : Éditions du Hazard, 2008. — P. 117–144.
26. Neveu F. Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage // *Rencontres Linguistiques Méditerranéennes*. — Hammamet, 2004. — P. 107–120.
27. Pilar L.-A. Terminology and equivalence // *Theoretical perspectives on terminology* / ed. P. Faber, M.-C. L'Homme. — Amsterdam : John Benjamins, 2022. — P. 477–502.
28. Polivanov E. Pour une linguistique marxiste / trad. du russe P. Sériot ; éd. par E. Simonato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2014. — 212 p.
29. Potebnja A. La pensée et le langage / trad. du russe par P. Sériot, M. Schönenberger. — Limoges : Lambert-Lucas, 2022. — 312 p.
30. Rey-Debove J. Spécificité de la terminologie linguistique // *Métalangage et terminologie linguistique* / ed. B. Colombat, M. Savelli. — Paris : Peeters, 2001. — P. 3–9.
31. Sardin P. De la note du traducteur comme commentaire : entre texte, paratexte et prétexte // *Palimpsestes*. — 2007. — № 20. — P. 121–136. — DOI: 10.4000/palimpsestes.99.
32. Saussure F. de. Science du langage / éd. critique par R. Amacker. — Genève : Droz, 2011. — 220 p.
33. Sériot P. Structure et totalité. — 2e éd. — Limoges : Lambert-Lucas, 2012. — 340 p.
34. Swiggers P. Terminologie et terminographie linguistiques // *Syntaxe & Sémantique*. — 2006. — № 7 (1). — P. 13–28.
35. Takeuchi-Clément R. Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique // *Traduire les sciences humaines* / ed. T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. — Paris : Classiques Garnier, 2021. — P. 167–185.

36. Tchougounnikov S. Idéologie et traduction scientifique // *Revue Texto*. — 2017. — Vol. XXII, № 3. — P. 39–64.
37. Toledano-Buendía M. C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // *The International Journal of Translation and Interpreting Research*. — 2013. — Vol. 5, no. 2. — P. 149–162. — URL: <https://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/209> (дата обращения: 25.01.2026).
38. Troubetzkoy N. S. L'Europe et l'humanité / trad. du russe et notes par P. Sériot. — Liège : Mardaga, 1996. — 248 p.
39. Vološinov V. N. Marxisme et philosophie du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / trad. du russe par P. Sériot et I. Tylkowski-Ageeva. — Limoges : Lambert-Lucas, 2010. — 512 p.
40. Vygotski L. Pensée et langage / trad. du russe par F. Sève. — Paris : La Dispute, 1997. — 445 p.
41. Zolotukhin D. Les termes, les objets, les notions et les points de vue de la linguistique // *SHS Web Conf.* — 2020. — Vol. 78. — DOI: 10.1051/shsconf/20207805014.

REFERENCES

1. Benveniste, E. (1974). *Obshchaia lingvistika* [General linguistics] (Yu. S. Stepanov, Ed.; Yu. N. Karaulov, V. P. Murat, I. V. Barysheva, & I. N. Melnikova, Trans.). Progress. (Original work in Russian).
2. Gvishiani, N. B. (2008). *Iazyk nauchnogo obshcheniia (voprosy metodologii)* [The language of scientific communication: Questions of methodology] (2nd ed.). LKI URSS.
3. Guillaume, G. (1992). *Printsipy teoreticheskoi lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics] (L. Skrelina, Ed.; P. Skrelin, Trans.). Progress.
4. Greimas, A.-Zh. (2004). *Strukturnaia semantika: Poisk metoda* [Structural Semantics: The Search for Method] (K. Akopyan, Ed.; L. Zimina, Trans.). Akademicheskii Proekt.
5. Zaplatin, V. E., & Snigireva, O. (2024). [Translator's commentary as a means of compensating for semantic loss in translation]. *Russian Linguistic Bulletin*, 52(4), Article 35. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.35>
6. Karaulov, Yu. N., & Filippovich, Yu. N. (2009). *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi iazykovoï lichnosti: modelirovanie sostoianii i funktsionirovaniia* [Linguocultural consciousness of the Russian language personality: Modeling its state and functioning]. Azbukovnik.
7. Kosova, M. V. (2003). *Russkaia lingvisticheskaia terminologii: semanticheskie protsessy* [Russian linguistic terminology: Semantic processes]. Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
8. Tesnière, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Foundations of structural syntax] (V. G. Gak, Ed.; I. M. Boguslavskii et al., Trans.). Progress.
9. Tsurikova, L. V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob'ekt kognitivno-pragmaticeskogo analiza kommunikativnoi deiatel'nosti [Discursive strategies as an object of cognitive-pragmatic analysis of communicative activity]. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 98–108.
10. Bakhtine, M. (1970). *La poétique de Dostoïevski* [The poetics of Dostoevsky] (I. Kollitcheff, Trans.; J. Kristeva, Intro.). Seuil.
11. Bakhtine, M. (1984). *Esthétique de la création verbale* [The aesthetics of verbal creation] (T. Todorov, Intro.; A. Aucouturier, Trans.). Gallimard.

12. Bakhtine, M. (2003). *Pour une philosophie de l'acte* [Toward a philosophy of the act] (G. Bardet, Trans.). L'Âge d'Homme.
13. Foucault, M. (1994). Réponse à une question. In *Dits et écrits* (Vol. 1, pp. 850–874). Gallimard.
14. Godel, R. (1957). *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure* [The manuscript sources of Saussure's course in general linguistics]. Minard.
15. Godelier, M. (2022). *[The imagined, the imaginary, and the symbolic]*. CNRS Éditions.
16. Ivanova, I. (2009). La notion de « langue » dans la linguistique russe (deuxième moitié du XIXe–début du XXe siècle). *Études de lettres*, 4, 81–100. <https://doi.org/10.4000/edl.313>
17. Ji, Y., & Tutin, A. (2019). Les routines métalinguistiques dans les écrits scientifiques en français. *Studii de lingvistică*, 9(2), 177–200.
18. Lavieri, A. (2023). Introduction. Des mondes et des versions : quand traduire c'est faire. In *L'imaginaire du traduire : langues, textes et pratiques des savoirs* (pp. 7–13). Classiques Garnier.
19. Lotman, Y. (1973). *La structure du texte artistique* [The structure of the artistic text] (A. Fournier, Trans.; H. Meschonnic, Ed. & Intro.). Gallimard.
20. Lotman, Yu. (1990). *Sémiotique de la culture russe : études sur l'histoire* [Semiotics of Russian culture: Studies on history] (F. Lhoest, Trans.). L'Âge d'Homme.
21. Lotman, Y. (1999). *La sémiosphère* [The semiosphere] (A. Ledenko, Trans.). Presses Universitaires de Limoges.
22. Lotman, J. (2005). *L'explosion et la culture* [Explosion and culture] (I. Merkoulova, Trans.). PULIM.
23. Ltr13. (2024). *Le discours de la linguistique* [The discourse of linguistics]. ENS Éditions.
24. Maingueneau, D., & Cossutta, F. (1995). L'analyse des discours constituants. *Langages*, 117, 112–125.
25. Mejri, S. (2008). La traduction des textes spécialisés : le cas des sciences du langage. In *Colloque du 50e anniversaire de l'ISTI* (pp. 117–144). Éditions du Hazard.
26. Neveu, F. (2004). Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage – Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique. In *Rencontres linguistiques méditerranéennes : La terminologie, entre traduction et bilinguisme* (pp. 107–120).
27. Pilar, L.-A. (2022). Terminology and equivalence. In P. Faber & M.-C. L'Homme (Eds.), *Theoretical perspectives on terminology: Explaining terms, concepts and specialized knowledge* (pp. 477–502). John Benjamins Publishing Company.
28. Polivanov, E. (2014). *Pour une linguistique marxiste* [Toward a Marxist linguistics] (P. Sériot, Trans.; E. Simonato, Ed.). Éditions Lambert-Lucas.
29. Potebnja, A. (2022). *La pensée et le langage* [Thought and language] (P. Sériot & M. Schönenberger, Trans.). Lambert-Lucas.
30. Rey-Debove, J. (2001). Spécificité de la terminologie linguistique. In B. Colombat & M. Savelli (Eds.), *Métalangage et terminologie linguistique* (pp. 3–9). Peeters.
31. Sardin, P. (2007). De la note du traducteur comme commentaire : entre texte, paratexte et prétexte. *Palimpsestes*, 20, 121–136. <https://doi.org/10.4000/palimpsestes.99>
32. Saussure, F. de. (2011). *Science du langage : De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372* (R. Amacker, Ed.). Librairie Droz.
33. Sériot, P. (2012). *Structure et totalité : Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale* (2nd ed.). Lambert-Lucas.

34. Swiggers, P. (2006). Terminologie et terminographie linguistiques : problèmes de définition et de calibrage. *Syntaxe & Sémantique*, 7(1), 13–28.
35. Takeuchi-Clément, R. (2021). Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique : Cheminement d'adaptation lexicale du japonais. In T. Boukreeva-Milliaressi & C. Berner (Eds.), *Traduire les sciences humaines* (pp. 167–185). Classiques Garnier.
36. Tchougounnikov, S. (2017). Idéologie et traduction scientifique. *Revue Texto*, 22(3), 39–64.
37. Toledano-Buendía, M. C. (2013). Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements. *Translation & Interpreting*, 5(2), 149–162. <https://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/209>
38. Troubetzkoy, N. S. (1996). *L'Europe et l'humanité : Écrits linguistiques et paralinguistiques* (P. Sériot, Trans.). Mardaga.
39. Vološinov, V. N. (2010). *Marxisme et philosophie du langage : Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage* (P. Sériot & I. Tylkowski-Ageeva, Trans.; P. Sériot, Intro.). Lambert-Lucas.
40. Vygotski, L. (1997). *Pensée et langage* (F. Sève, Trans.; Y. Clot, Intro.). La Dispute/SNÉDIT.
41. Zolotukhin, D. (2020). Les termes, les objets, les notions et les points de vue de la linguistique : problèmes de corrélation. *SHS Web of Conferences*, 78, 05014. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207805014>

Об авторе:

Золотухин Денис Сергеевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории истории лингвистических теорий Университета Paris Cité (Париж, Франция). Научные интересы: история языкознания, терминоведение, научный дискурс.

ORCID: 0000-0002-5772-729X.

Получено: 17 июня 2025 г.

Принято к публикации: 6 сентября 2025 г.

METADISCURSIVE ACTS IN THE TRANSLATION OF SCHOLARLY LINGUISTIC TEXTS: A CASE STUDY OF FRENCH AND RUSSIAN MATERIAL

Denis S. Zolotukhin

Paris Cité University (Paris, France)

denzolotukhin@gmail.com

Abstract: Commenting on translations of scientific texts is part of metatranslation activity. Studies in this field traditionally involve analysing translation techniques, tactics and strategies explicitly presented in paratextual elements. Meanwhile, the discursive features of commentaries remain underexplored, especially in the context of Russian–French translations of works in linguistics. The present study examines translational metadiscourse as a medium through which translators and editors articulate the outcomes of translational decisions and their stance towards these choices when working on the translation of a scientific text in linguistics. The aim of the study is to identify translational metadiscursive acts in commentaries on translations of linguistic works, to determine their functions, as well as the pragmatic and epistemological grounds for the choice of particular means. To achieve this aim, the study applies discourse analysis to a corpus of commentaries produced by translators and editors of fundamental works in linguistics, including those by leading Russian- and French-speaking linguists of the 20th century. A qualitative examination of metadiscursive elements is combined with the interpretation of their functions in the context of language and concept asymmetry between French- and Russian-speaking linguistic traditions. The study reveals a connection between the aporetic and constitutive character of linguistic discourse in general and specific translational metadiscursive acts. It further demonstrates that translator commentaries reflect not only language but also epistemological challenges characteristic of linguistic inquiry and the communication of its results. The findings highlight the translator’s active role in scholarly communication: translational metadiscourse operates as a tool for asserting and evaluating translation choices as well as for responding to the solutions of other translators and to the discursive features of the source text. The results contribute to translation theory and may be applied in the training of translators. Prospects for further research involve expanding the corpus of analyzed texts and developing practical guidelines for translators.

Keywords: scientific text, metadiscourse, metatext, paratext, linguistic terminology, translation commentary, scientific translation.

How to cite this article: Zolotukhin, D.S. (2026). Metadiscursive Acts in the Translation of Scholarly Linguistic Texts: A Case Study of French and Russian Material. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 111–129. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

About the author:

Denis S. Zolotukhin, Cand. Sci. (Philology), is a researcher at the Laboratory of Linguistic Theories, Paris Cité University (Paris, France). His research interests include the history of linguistics, terminology studies, and scientific discourse.

ORCID: 0000-0002-5772-729X.

Received: June 17, 2025.

Accepted: September 6, 2025.